

Vol.3,N1
2020

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)

ORIENTALISTICA

Text Critical Studies and History of Literature

Литературоведение и текстология

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-1-129-142

УДК 82.091«7/8»=211=161.1

Оригинальная статья

Original Paper

Термин *бхавана* в трактате «*Бхавана-крама*» Камалашилы

В. П. Иванов

Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6293-2837>, e-mail: lokeshvara@inbox.ru

Резюме: публикация посвящена термину *бхавана* – ключевому термину знаменитого сочинения VIII в. «*Бхавана-крама*» автора Камалашилы. В связи с анализом функционирования в тексте термина *бхавана* в статье освещается вопрос происхождения частей этого трактата, рассматриваются вопросы композиции и содержания памятника. Производится сопоставление значений этого термина в трактате и других санскритских сочинениях. Анализ санскритского текста «*Бхавана-крамы*», в особенности таких выражений, как *bhūtārtha-bhāvanā*, *bhūtam eva... bhāvanīyam* и др., дает возможность выявить глубинные слои значений термина *бхавана*.

Ключевые слова: буддизм; «*Бхавана-крама*»; Камалашила; *бхавана*; буддийская медитация

Для цитирования: Иванов В. П. Термин *бхавана* в трактате «*Бхавана-крама*» Камалашилы. *Ориенталистика*. 2020;3(1):129–142. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-129-142.

The Sanskrit term *bhāvanā* as used in the “*Bhāvanā-krama*” by Kamalaśīla

V. P. Ivanov

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences,

Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6293-2837>, e-mail: lokeshvara@inbox.ru

Abstract: the paper focuses on the concept of *bhāvanā*, i.e. the key term of the Sanskrit treatise “*Bhāvanā-krama*” by Kamalaśīla (VIII CE). The analysis of the context of “*Bhāvanā-krama*”, where this term occurs provides an insight into the issues of the origin of the said treatise, its composition and contents. The meaning of this term in “*Bhāvanā-krama*” is compared to its usage in other Sanskrit texts. The general analysis of the text of “*Bhāvanā-krama*” and particularly of the application of this term in the

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

expressions, such as *bhūtārtha-bhāvanā*, *bhūtam eva... bhāvanīyam* etc. offers a better understanding of the term proper and highlights the deep layers of its meaning.

Keywords: Buddhism; “*Bhāvanā-krama*”; Kamalaśīla; *bhāvanā*; buddhist meditation

For citation: Ivanov V. P. The Sanskrit term *bhāvanā* as used in the “*Bhāvanā-krama*” by Kamalaśīla. *Orientalistica*. 2020;3(1):129–142. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-129-142.

Введение. Проблемы перевода санскритской терминологии

Одна из сложностей перевода с санскрита буддийских трактатов, да и вообще санскритских философских текстов, возникает в зоне вычленения так называемых единиц перевода – транслем. Иногда таковыми могут выступать предложение, фраза или отдельное словосочетание, передача общего смысла которых, собственно, и реализует перевод.

В зоне функционирования терминов санскритских шаштр такого рода задача решается с трудом. Термины формируют единую семантическую систему с другими терминами данного трактата, а также с терминами иных санскритских философских сочинений. Чтобы не разрушать эту систему, санскритские термины обычно стремятся передавать однотипно и подыскивать максимально близкие им варианты в языке-реципиенте. В санскритском тексте термин семантически насыщен и, помимо своего конкретизируемого контекстом основного смысла, несет заряды иных – неявных, коннотативных значений, порой вполне сознательно «архивируемых» в нем автором санскритского текста. Терять их при переводе, безусловно, досадно.

Помимо этого, существует проблема передачи особых пластов смысла, кодируемых санскритским автором, – иногда даже на уровне самого звучания слова и ассоциативных цепочек, рождаемых им. Дело в том, что санскритская ученость вообще и буддийская ученость в частности подразумевает включенность в общеиндийскую культурную матрицу, для которой, как известно, было свойственно такое явление, как фоноцентризм¹. Это связано с той сакральной ролью, которая в Индии с древности отводится речи и звуку (последнее проявляется в ритуально-мантрической практике Вед, а также в индуистской и буддийской тантре). У авторов буддийских философских сочинений, за исключением буддийских сочинений по тантре, возможно, чуть менее проявлено то, что можно условно назвать «сакральными языковыми играми», – особое явление, которое в индийской культуре, пожалуй, в самом ярком своем выражении мы находим у шайвитских тантриков Кашмира. В их текстах словоформа, помимо ее общеязыкового значения, уже через свой звуковой состав может транслировать дополнительный смысл, особый пласт сакрального тантрического знания – алхимию звука *матрики* (*mātrkā*) –

¹ О «фоноцентризме» см.: [1, 9 ff.].

звуковой матрицы этого мира². Например, термин *icchā*, помимо своего значения «универсальная воля, желание», у кашмирских авторов своим начальным элементом -i- подразумевает также и «заряд» универсальной энергии воли, намерения – *icchā-śakti*, который в «свернутом» виде представлен также в биджа-мантрах, содержащих тот же звуковой элемент -i- (*hriṃ*, *kliṃ* и пр.). Сакральный заряд и соответствующую интерпретацию имеют -a-, -u- и другие санскритские звуки. В частности, *anuttara* – термин, кодирующий в системе кашмирского монистического шиваизма «высшее» божественное начало, вселенскую основу, своим начальным элементом -a- транслирует энергию всепроявляющего перевозвука -a-. Стоит отметить, что символизм звука -a- широко используется в буддийском його-тантрическом праксисе³.

Читающий текст на санскрите перемещается в поле действия силы того, что можно назвать «санскритской речевой саморефлексией», которая генерирует особую, подчас выводящую за пределы непосредственно произносимого, трудную для передачи в переводе семантическую насыщенность текста. При выражении того или иного смысла санскритский автор перемещает фокус внимания воспринимающего текст с уровня предложения или словоформы на уровень отдельных морфем и даже фонем и соответственно – на уровень смыслов, восходящих к глубокой индоарийской архаике семантической системы санскритских звуков и корней.

Безусловно, передача всей гаммы смыслов средствами иного языка становится в таких обстоятельствах невыполнимой задачей и обрекает переводчика на труд написания объемных комментариев, оформляемых в виде ссылочного аппарата к условным эквивалентам в языке перевода, или вынуждает вовсе отказываться от перевода слова и создавать в русском языке неологизмы, наподобие «кармический», «атмановость», «буддовость», «дхармовость» и пр.

Примером одного из терминов, трудно поддающихся передаче средствами русского языка, может служить рассматриваемый в настоящей

² Подробнее об этом см., например: [2, с. 136–137].

³ Звук -a- (его символическая трактовка и медитативное применение) – важный элемент многих практик ваджраяны. В Ати-йоге (Дзогчене) он – центральный элемент практики. Также, например, во многих садханах встречается *сарвабхавтика* мантра из «Хеваджра-тантры»: ...*akāromukhaṃ sarvadharmāṇām ādyanutpannatvāt*... «Звук «а» – главный среди дхарм (также – “дверь во все дхармы”) в силу [их] изначального невозникновения» (*Srīhevajramahāntantrarājā* 2.1). Интересно отметить, что эта мантра восходит к тексту «Двадцатипятитысячной Праджняпарамита-сутры», в которой как эта фраза, так и следующие в тексте: ...*repho mukhaḥ sarvadharmāṇām rajo 'pagatatvāt / pakāro mukhaḥ sarvadharmāṇām paramārthanirdeśāt* и т.д., характеризуют сакральность речи, также, по предположению Ричарда Саломона, представляли собой мнемотехнический прием по запоминанию «алфавита» Кхароштки (а, га, ра, са, па, ла, да, ба...) [3]. Алфавитная последовательность кхароштки отличается от брахми и связанных с ним систем письма. Первые пять слогов (а, га, ра, са, па) входят в известную мантру Манджушри – бодхисаттвы *праджняпарамиты* – высшей мудрости всех будд.

публикации санскритский термин *бхавана* (bhāvanā). Это один из ключевых терминов известного буддийского трактата «Бхавана-крама». Изучение его семантического спектра дает возможность выявить его глубинные смысловые слои, а наблюдение за его функционированием в тексте может также способствовать решению других востоковедных задач, в частности – сложного вопроса генезиса этого памятника.

Термин *бхавана* и структура «Бхавана-крамы»

«Бхавана-крама»⁴ – текст конца VIII в. н.э., созданный индийским учителем Камалашилой, – один из важных письменных источников махаяны, который, как полагают исследователи, во многом сформировал традицию классической буддийской медитации в Тибете (см.: [10, р. 304]). Этот трактат считается первым санскритским текстом, написанным в Стране снегов. Он связан с известным событием в религиозной жизни Тибета – диспутом в монастыре Самье и победой в нем, как указывает тибетская историография, индийской партии, которая в лице своего представителя Камалашилы отстаивала версию так называемого постепенного пути (тиб. *rim gyis pa*) в практике Дхармы. Последняя одержала верх над китайской теорией «моментального пробуждения» (тиб. *cig car ba*), которую отстаивал китайский буддийский монах (*хэшан*), предположительно, традиции северного Чань, по имени Мохэянь (санскритское имя – Махаяна)⁵. Сам текст – руководство по правильному постепенному продвижению по буддийскому пути махаяны, трактуемый на основании мадхьямаковского учения о пустоте.

Текст имеет довольно странную структуру: тибетская традиция видит этот текст как единую композицию, состоящую из трех частей, – трех, так сказать, эссе. Однако в колофонах санскритских рукописей не говорится о частях (*бхага*, *патала* и т.п.) «Бхавана-крамы». Помимо этого, в текстах присутствуют повторения тематические, а также и букваль-

⁴ На санскрите сохранились лишь первая и третья части «Бхавана-крамы». Все три части существуют только в тибетском переводе. Первичное краткое описание уникальной рукописи третьей «Бхавана-крамы», хранящейся в коллекции ИВР РАН, дано в каталоге Н. Д. Миронова (рукопись номер Ms. Ind. VII, 23) (см.: [4, с. 330, 332]). В дальнейшем ее исследованием занимался отечественный буддолог Е. Е. Обермиллер (см. его пионерскую статью [5]), но преждевременная смерть, увы, помешала ему закончить работу. Впервые санскритский текст первой «Бхавана-крамы» был опубликован итальянским исследователем Дж. Туччи в 1958 г. [6]. Его же критическое издание третьей «Бхавана-крамы» 1971 г. [7] базируется на факсимильном издании рукописи ИВР РАН, осуществленном в 1963 г. [8]. Подробнее о тексте «Бхавана-крамы» и о происхождении рукописи третьей «Бхавана-крамы» см., например: [9].

⁵ Поздние тибетские историографические сочинения разряда чойджун (*chos 'byung*) – «история буддийской Дхармы» – утверждают, что в диспуте победил Камалашила. Современные исследователи, базируясь на найденных текстах в Дуньхуане, склонны полагать, что событийная канва могла быть несколько иной. Подробнее см., например: [11, с. 49].

ные, целых текстовых блоков – иными словами, композиция текста необычна для санскритской шастры. Все это может свидетельствовать о том, что изначально эти три текста, формирующие «Бхавана-крату», не воспринимались как одно произведение. Поэтому некоторые исследователи склонны считать, что три части «Бхавана-краты» – это связанные между собой единым авторством разные тексты. Так, японский исследователь Ф. Танигучи [10] полагает, что первая «Бхавана-крату» была составлена Камалашилой ранее, до его прибытия в Тибет. Другие же тексты, возможно, составлялись им на основе первой «Бхавана-краты» уже в Тибете. Объединены же в одно произведение они были позднее тибетской традицией, которая трактует композиционные особенности «Бхавана-краты» как единый замысел. Так, тибетские чойджуны указывают, что после событий диспута в Самье цэнпо Тисонг Децэн попросил Камалашилу записать основы практики Дхармы на основании известного буддийского тройного метода постижения – через изучение (слушание), анализ и медитативное постижение. Считается, что этой триаде и соответствуют смысловые акценты трех частей текста.

В этой ситуации неопределенности интертекстуальные лексико-семантические факторы (такие, как частотность употребления тех или иных словоформ, единство смысловых блоков) могут служить косвенным свидетельством в пользу той или иной версии происхождения произведения. Так, как представляется, явный акцент, который Камалашила делает на использовании термина *бхавана* во всех частях своего сочинения – в ущерб иным терминам, участвующим в описании процедур буддийской психопрактики, – не случаен и может свидетельствовать в пользу изначального замысла «Бхавана-краты» как сочинения композиционно единого, полностью составленного на территории Тибета, хотя, возможно, и недооформленного самим автором (что неудивительно, учитывая известный факт, отраженный в тибетских источниках, преждевременной смерти Камалашиллы в Тибете⁶).

Как отмечает исследователь Мартин Адам [13, p. 71 ff.], очевидно, к концу VIII в. нужно говорить о двух традициях медитации в Тибете. Первая представлена влиятельным на тот момент учением китайской партии, проповедовавшей метод обретения высшего постижения – бодхи⁷ через недискурсивное (*нирвикальпа*) созерцание – дхьяну. Вторая же была представлена партией, возглавляемой Шантаракшитой (учите-

⁶ Знаменитый тибетский вероучитель и историограф Будон (1290–1364) в своей «Истории буддизма» утверждает, что после диспута в Самье Камалашила был убит сторонниками китайского хэшана (см.: [12, p. 196]).

⁷ Санскритское *бодхи* в русскоязычных переводах передают терминами «просветление», «пробуждение». Слово восходит к санскритскому корню *-budh-*, связанному, в частности, со значением «понимать, узнавать», поэтому *бодхи* можно трактовать как высшее «постижение». Обсуждение перевода этого термина см.: [14, с. 21 и след.].

лем Камалашилы), которая отстаивала метод постепенного «вращения» буддийских совершенств (*парамита*) и постепенного развития практики, в которой равное внимание уделяется как методу, так и мудрости – в противовес осуждаемой в тексте «Бхавана-крамы» позиции оппонентов, что метод совершенств, помимо развития праджни, не важен, в то время как недискурсивная созерцательная практика праджняпарамиты – «высшей мудрости» – есть единственный путь, ведущий к бодхи. Во всех трех частях «Бхавана-крамы» доминирует тема *бхаваны* как основного метода практики, и, что важно, всячески выделяется, лексически подчеркивается именно термин *бхавана* и формы с этим словом однокоренные: *bhāvayati*, *bhāvayet*, *bhāvanīya*, *bhāvayitavya* и др. Термин же *дхьяна*, являющийся маркерным как раз для позиции противоположной стороны – китайской школы дхьяны Чань, фигурирует реже, однокоренные со словом «дхьяна» глагольные формы, описывающие медитативное действие или побуждение к оному, в тексте практически не представлены. Например, оптативная форма 3-го л. ед. ч. – *dhyāyēt* («да созерцает») встречается только один раз, да и то исключительно в узком контексте, где обсуждается особый род созерцания-дхьяны и где без этой глагольной формы обойтись трудно.

Таким образом, лексический материал всех частей «Бхавана-крамы» свидетельствует о том, что смысловой акцент всего трактата изначально делался именно на практике *бхаваны*, что может служить косвенным доводом в пользу того, что все части «Бхавана-крамы» были созданы тогда, когда Камалашила прибыл в Тибет и после того, как была актуализирована повестка диспута в монастыре Самье, – как на то, собственно, и указывает тибетская историография. Таким образом, предположение Танигучи о том, что первая «Бхавана-крама» была создана Камалашилой в Индии, до его прибытия в Тибет, представляется менее вероятным.

Термин *бхавана*. Спектр значений

Теперь же обратимся к самому слову-термину *бхавана*. Тибетское название текста «Бхавана-крамы» – Гом-па’и рим-па (*bsGom-pa’i rim-pa*) часто передают как «Последовательность медитаций», «Стадии медитации». Термин *бхавана*, таким образом, часто переводят как «медитация». Если в переводах следовать языку оригинала – санскриту, то тогда, прежде всего, возникают такие варианты перевода слова *бхавана*, как «развитие», «практика» и т.п. Термин *бхавана* относится к вокабуляру древних буддийских терминов, участвующих в описании психопрактик – методов развития парамит и пр. Исследователь Гленн Уоллис возводит этот термин к сельскохозяйственной деятельности [15, р. 6], т.е. *бхавана* – это постепенное возделывание, подготовка почвы, возвращение, создание условий для появления плода. Поэтому представляется удачным встречающийся в русскоязычной литературе такой перевод термина *bhāvanā*, как

«культивирование». Культивирование чего-либо подразумевает комплекс должным образом осуществленных действий с учетом обстоятельств места и времени, способствующих проявлению некоего результата, что подразумевает и технологию, и этапы. Именно таковым и предстает путь буддийской практики, представленный в тексте «Бхавана-крама». Трактат по своей направленности является текстом дидактическим, предназначенным, как говорит сам Камалашила в начале третьей «Бхавана-крамы», «для тех, кто вступает на путь изучения сутр махаяны»⁸. Камалашила, апеллируя к многочисленным авторитетным пассажам из махаянских сутр, обсуждает многообразные аспекты буддийского пути практики Дхармы. В трактате цитируется несколько десятков махаянских источников. Поэтому не удивительно, что терминологический инструментарий трактата богат и включает множество других терминов, относящихся к буддийскому йогическому дискурсу, – таких, как упомянутая дхьяна, а также самадхи, шаматха, випашьяна и др.

В контексте описания практики шаматхи, випашьяны и их единства (юганадха) – основной темы трактата – фигурирует термин *бхавана*. Именно при правильном «развитии, культивировании» верного, гармоничного сочетания двух условий – практик шаматхи и випашьяны, которые уподобляются двум быкам, тянущим плуг, – становится возможной реализация, проявление плода махаянского духовного делания – обретения бодхи. Именно при описании шаматхи и випашьяны больше всего употреблений существительного *бхавана*, и его глагольных, причастных коррелятов (упомянутые *bhāvayet*, *bhāvanīya* и др.).

Этимологически слово *бхавана* – это именное образование от каузативной основы корня *bhū* «быть» с аффиксом значения процессуальности. (Это тот же аффикс, что и в таких словах / терминах, как «сосерцание» дхьяна (*dhyāna*), «сосредоточение» самадхана (*samādhāna*) и прочих.) Буквальное значение «бхаваны», таким образом, – «давать возможность быть, приводить к бытию, вводить в бытие, проявлять и т.п.»

Значение «вводить в бытие, проявлять» генерирует такие значения этого слова, как общелитературные санскритские значения – «фантазия», «воображение», так и специальное значение – «устойчивое ментальное формирование, возникшее из предшествующего опыта».

Так, значение «бхаваны» как «предиспозиции ума, обретенного в практике опыта», «бэкграунд» встречаем у индийских философов-грамматистов, например, у Бхартрихари в «Вакьяпадии», когда он говорит: «хотя смысл предложения / высказывания (вакья) един, различия в его восприятии [слушающим] определяются [его] бхаваной»⁹ – т.е. предше-

⁸ mahāyānasūtrāntanayapravṛttānāṃ saṃkṣepato bhāvanākramaḥ kathyate.

⁹ avikalpe 'pi vākyaṛthe vikalpā bhāvanāśrayāḥ... – «Вакьяпадия» II. 116.

ствующим опытом воспринимающего смысл. То есть *бхавана* опять-таки связана с чем-то наработанным, «вызревшим».

В веданте Шанкара поясняет встречающийся в «Бхагавад-гите» термин *bhāvanā* как *ātma-jñānābhīveśa* – т.е. «установка» на познание атмана, своего рода «одержимость» познанием атмана¹⁰.

В индуистской тантре слово *бхавана* ассоциируется с набором созерцательных практик, иногда именно имагинативного характера, где используются визуализации с привлечением правильно настроенного дискурсивного аппарата – саттарки и шуддхавикальпы – осуществляется движение на пути к обретению высших форм знания. Таковые в изобилии приводятся в текстах кашмирского монистического шиваизма (в «Виджняна-бхайрава-тантре», в текстах у Абхинавагупты). В генетически связанной с кашмирцами шактистской традиции видьяпитха существует даже отдельный текст «Бхаванопанишад». Безусловно, этот аспект значения *бхаваны* как визуализационной практики присутствует и в «Бхавана-краме», поскольку в ней описывается культивирование (*бхавана*) особого вида сосредоточения – самадхи, называемого в ней «самадхи, основанное на непосредственном присутствии возникшего [в уме образа] Будды» (*pratyutpanna-buddha-saṃmukhāvasthita-samādhiḥ*), которое опосредовано визуализацией формы Татхагаты сияющей, как расплавленное золото (*uttaptakanakāvadātaṃ*), украшенной атрибутами и знаками (*lakṣaṇānuvyañjana*), расположенной в центре и окруженной свитой¹¹.

В буддизме в целом и в буддийской йоге в частности концепция *бхаваны* присутствует с древности. Она развивается в южных буддийских школах, в частности, представлена в «Висуддха-магге» Будхагхоши, где путь созерцания (*саматха-яна*) и путь прозрения-випашьяны (*випассана-яна*) обсуждаются именно в контексте *бхавана-найи*.

¹⁰ «Бхагавад-гита» 2.66: *nāstirbuddhirayuktasya nācāyuktasya bhāvanā/ na cābhāvyaataḥ śāntiraśāntasya kutaḥ sukhaṃ//*.

¹¹ «...да реализует [йогин] шаматху [относительно] той формы Татхагаты, сияющей, как расплавленное золото, и украшенной атрибутами и знаками [будды], расположенной в центре мандалы [в окружении] свиты, осуществляющей всевозможными [искусственными] средствами ради истины [пробуждающую активность]. [Пусть йогин], породив искреннее, направленное [на эту форму] желание обрести ее качества, успокоив [при этом] возбуждение и вялость созерцает [ее] до тех пор, пока не узрит ее ясно как если бы [она] находилась перед [ним]. Далее следует випашьяна, [возникающая] в соответствии с исследованием возникающего и исчезающего образа Татхагаты. [Йогину] следует размышлять следующим образом: как этот образ Татхагаты ниоткуда не изошел и не уйдет куда-то, но пребывает как [нечто-то] лишенное самобытия и лишенное [атрибутов] “я” и “мое”, так и все дхармы, подобно [этому] отражению пусты [от своей] природы, не имеют возникновения и исчезновения, лишены формы бытия и т.п. – так рассудив, пусть пребывает сколько хочет в культивировании предельной сути (*tattva*), усмирив мышление, с единовкусием недискурсивного ума (*nirjalpaikarasena manasā*)» (*Bhāvanā-krama* III).

Перевод *бхаваны* как «культивирования» вполне уместен в случае пассажей из Абхидхармы. Васубандху в «Джняна-нирдеше» (седьмой книге «Абхидхарма-коши») определяет *бхавану* специальным образом – как «культивирование» четырех видов взаимодействия с чистыми и нечистыми дхармами. Так, йогину должно осуществлять: культивирование (*бхавана*) непроявленных чистых (*śubha*) дхарм; культивирование уже проявленных чистых дхарм; культивирование противодействия непроявленным нечистым (*sāsrava*) дхармам; и наконец, культивирование избегания проявленных нечистых дхарм.

В тексте «Бхавана-краны» Камалашилы термин *бхавана* встречается в описании ряда важнейших процедур буддийской практики, в частности, с *бхаваной* напрямую связываются психофизические аспекты буддийской медитации. Собственно, весь комплекс действий йогина назван *бхаваной*. Как говорит текст, «...во время *бхаваны* (*bhāvanā-kāle*) йогин, оставив все дела... находясь в приятном месте, [где] нет беспокоящих звуков, и, проявив великое сострадание, принимает решение: “мною все живые существа да будут приведены к самой сути бодхи (*sarvasattvā bodhimaṇḍe niṣpādayitavyā itī*)”... Проявив великое сострадание, простершись пятичленно перед всеми буддами и бодхисаттвами десяти направлений, поместив должным образом изображение будд и бодхисаттв, сделав им по желанию приношение и [вознеся] хвалу, [он], обнаруживая (перед ними) свои изъяны (*svapāraṃ graḍeśya*), радуется заслугам всякого в мире. Усевшись на мягком и удобном сидении, [приняв] позу парьянка или ардха-парьянка почтенного [будды] Вайрочаны, [йогин]...»¹². Далее в тексте подробно описываются особенности этой позы – взгляда, положения плеч, головы, позвоночника практика, даются рекомендации в отношении дыхания. Все эти действия объединены понятием *бхаваны*. То есть *бхавана* – это комплекс мер для проявления высшей мудрости в теле – на самом что ни на есть физиологическом уровне буддийской практики.

Также термин *бхавана* употребляется в тексте в различных контекстах, где речь идет о «культивировании, развитии» известной буддийской пары – мудрости и метода. Метод (*упая*), как указывает Камалашила, есть не что иное, как развитие всех парамит «совершенство» (помимо парамиты мудрости) – в частности щедрости (*дана-парамиты*), благого поведения (*шила-парамиты*), великой радости-блаженства (*маха-бхога*) и прочих благих качеств. Праджня же есть переживание высшей реальности в йоге при постижении отсутствия самосущности у дхарм и при культивировании (*бхавана*) непосредственного переживания пустоты – *шуньята-бхавана* (*sarva-prapañcaviḡamāya śūnyatā-bhāvanāyā yogamāpadyate*).

Пожалуй, самое емкое описание высшего типа постижения в процессе *бхаваны* в тексте описывается следующим образом:

¹² Bhāvanā-krama III.

«В результате постоянной должной практики мудрости и метода (праджня и упай) постепенно в силу созревания (*saṃtati-paripāka*) потока ума и проявления все более и более чистых моментов [в сознании] доводят до крайней степени культивирование истинного (*bhūtārtha*), и [через это] возникает свободное от сети всех концепций предельно ясное, постигающее дхармадхату чистое, запредельное знание, подобное светильнику в безветрие»¹³.

Здесь хочется обратить внимание еще на один из неявных, коннотативных аспектов значения *бхаваны*. Интересно отметить, что в пассаже употреблено выражение *saṃtati-paripāka*, которое обычно переводят как «созревание» потока сознания (ума). Но слово *paripāka* имеет также значение «переваривание», «вываривание» и, возможно, также имеет некие алхимические коннотации, т.е. в слове *бхавана*, употребляемом Камалашилой, может подспудно присутствовать значение процесса своего рода алхимической обработки потока сознания с целью его полного очищения. Это понимание усиливается тем, что в традиционной индийской алхимии и фармакологии¹⁴ присутствует и сам термин *bhāvanā*, который там означает операцию (*самскар*) по фармакологической импрегнации (через создание раствора) вещества с целью усиления действия медикамента.

Термин *бхавана* в «Бхавана-краме» участвует в описании процессов, так сказать, «йогической герменевтики» – в процессах обретения, инсталляции в сознании практика и дальнейшего возвращения подлинного смысла Дхармы, в описании трех известных этапов осваивания буддийского учения и обретения трех видов мудрости (праджня), а именно: мудрости, возникающей из слушания (шрута-майи-праджня), мудрости, возникающей из обдумывания-анализа (чинта-майи-праджня), и, наконец, мудрости, возникающей из медитативной практики (*бхавана*-майи-праджня).

Как известно, на этапе «слушания» происходит ознакомление адепта со смыслом буддийских текстов – писаний (*āgama*), содержащих слова Будды (буддха-вачана). Мудрость, возникающая из обдумывания и осмысления (*cintāmayī*), дает возможность постигать через анализ и логику (*yukti*) «прямой, очевидный» смысл (*nītārtha*) и «условный, выводной» смысл учения (*neyārtha*) и через это, наконец, устанавливать смысл / предмет «подлинного, реального» (*bhūta-artha*), стоящий за словами, чтобы в дальнейшем культивировать, развивать (*бхавана*) именно его. Такой подход и дает в конце концов проращение истинного знания,

¹³ *prajñāṃ upāyaṃ ca satataṃ satkṛtyābhyasyataḥ kramaṇa [cittaṃ] saṃtatiparipākād uttarottaraviśuddhataratamaḥśaṇodayād bhūtārthabhāvanāprakarṣaparyantaḥ gamena sakalakalpanājalārahitaṃ sphuṭataraṃ dharmadhātadvadhigamaṃ vimalaṃ niścala-nivāta-dīpavallokkotarajñānam utpadyate.*

¹⁴ См., например: *Rasa-taraṅgiṇī* 2.49.

ведущего к бодхи. Это знание формулируется как постижение «отсутствия самосущности» у всех явлений-дхарм (*sarva-dharma-niḥsvabhāvatā*). Именно оно задает вектор подлинной практики – *бхаваны*, в ходе которой «отслеживая / прозревая» (випашьяна) «зря» (*yathābhūtarśa*), «различая» (*bhūtapratyavekṣā*) истину, обретают мудрость непосредственного опыта постижения (*бхавана-майи-праджни*).

В этом своем аспекте практика представлена, как говорит Камалашила, объединяющей все виды самадхи, важнейшей диадой шаматхи и випашьяны, – двухтактным процессом «успокоения ума», проявления «видения-прозрения» и обретения их нерасторжимой связи – юганаддха. *Бхавана*, таким образом, как постепенное развитие этих двух неотделимых друг от друга сторон махаянской практики, выступает условием проявления юганадхи – единства шаматхи и випашьяны, и непосредственно связана с обретением «совершенства мудрости» – праджняпарамиты.

Итак, обретаемое в ходе «культивирования, развития (*бхаваны*) подлинного предмета / смысла (*bhūtārtha*)» знание сопутствует бодхисаттвам на всех уровнях (*бхуми*) их совершенствования, вплоть до того, когда они реализовывают особую махаянскую «неустановленную нирвану», «нирвану без пребывания» (*апратиштхита-нирвану*), соединяющую буддийское высшее постижение и возможность пребывания в феноменальном сансарическом бытии относительной истины с целью принесения блага живым существам.

Заключение

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о смысле, стоящем за словом *бхавана*, который проявляется только при чтении текста Камалашилы на языке оригинала – санскрите, том смысле, который передаваем исключительно средствами санскритских лексем и, увы, теряется в переводе на тибетский и другие языки.

В тексте, когда речь идет о *бхаване* – «культивировании», «развитии» истины о пустоте, Камалашила употребляет такие – могущие представиться звукописью – выражения, как, например, *bhūtārtha-bhāvanā*; *bhūtamārthaṃ bhāvayet (nābhūtam [bhāvayet])*; *bhūtaṃ eva (vastusvarūpaṃ) bhāvanīyam* и др. В переводе это звучит как: «культивирование подлинно сущего», «пусть культивирует, развивает подлинно сущий предмет / смысл, а не неподлинно сущий», «должно культивировать природу вещей подлинно сущую». Но *bhūta*, *yathābhūta*, *bhūtārtha* – выражения, обозначающее «подлинно сущее», содержат причастную форму от того же корня *-bhū-*, к которому восходит и слово *bhāvanā*. Они все есть указание на высшую реальность (*tattvam*), абсолютную истину (парамарта-сатью) – шуньяту. Почему употреблены эти формы? Как представляется, таким образом на уровне лексического выражения Камалашилой

кодируется, а на уровне опосредованного санскритским текстом акта постижения (через «тавтологию» форм с корнем *-bhū-*, передающих идею бытия как становления) считывается идея о побуждении быть того (*bhūta*)¹⁵, что вне всех форм и одновременно проявляется как форма, того, что есть в своем осуществлении культивируемая в буддийской практике пустота. В этом, конечно, реализуется лингвистическое осуществление праджняпарамитского посыла: «форма / образ / формирование есть пустота, а пустота есть форма / образ / формирование»¹⁶.

Через побудительную форму, каузатив *bhūtārtha-bhāvanā* передается смысл, что предельно сущее должно дать себе возможность осуществиться, т.е. пустота в акте постижения осуществляет пустоту. Действительно ведь, в предельном смысле на пути к бодхи пустое от самобытия сущее, культивируя пустоту собственного самобытия, постигает пустоту. Таким образом, через выражение *bhūtārtha-bhāvanā* передается смысл постоянного становления, «динамического бытия» (корень *-bhū-*) буддийского пути, который никогда не пресекается и становится своего рода *modus operandi* пробужденного сознания. Таким образом, процесс *бхаваны* может быть трактован как «ежемоментное приведение к бытию», или лучше – «побуждение к бытию» (*бхавана*) подлинной реальности (*бхута*) – что, собственно, и соответствует высшей цели буддийского йогического делания. А *bhūtārtha-bhāvanā* у Камалашилы можно считать, таким образом, своего рода кратким формульным выражением практики всей Дхармы.

Литература

1. Лысенко В. Г. Генезис учения об атомах как проблема языка и мышления. *Вопросы философии*. 2014;(6):9–28.
2. Иванов В. П. «Атомизм» в звуковых построениях индийской тантры». *Вопросы философии*. 2014;(6):132–141.
3. Salomon R. New Evidence for a Gāndhārī Origin of the Arapacana Syllabary. *Journal of the American Oriental Society*. 1990;110(2):255–273.
4. Миронов Н. Д. *Каталог индийских рукописей*. Петроградъ; 1914. Вып. 1.
5. Obermiller E. A Sanskrit Ms. from Tibet – Kamalaśīla's Bhāvanākrama. *The Journal of the Greater India Society*. 1935;2(1):1–11.
6. Tucci G. *Minor Buddhist Texts*. Part II. *First Bhāvanākrama of Kamalaśīla. Sanskrit and Tibetan Texts with Introduction and English Summary*. Rome: Instituto italiano per il medio ed estremo oriente; 1958.

¹⁵ Здесь важно отметить, что обозначающая «сущее, реальное» форма причастия прошедшего времени *bhūtam* среднего рода и по Панини (нариṃsake bhāve ktaḥ P. 3.3.114) обозначает просто действие без его привязки к прошлому (а в контексте буддийской философии важно добавить – без привязки к трем временам (настоящему, прошлому, будущему). Таким образом, *bhūtam* – это не «бывшее», но именно постоянно случающееся осуществление.

¹⁶ *iha, śāriputra, rūpaṃ sūnyatā, sūnyataiva rūpaṃ.*

7. Tucci G. *Minor Buddhist Texts*. Part III. *Third Bhāvanākrama*. Istituto italiano per il medio ed estremo oriente. Rome: Istituto italiano per il medio ed estremo oriente; 1971.

8. Камалашила. *Бхаванакрама (Трактат о созерцании)*. Факсимиле с предисловием Е. Е. Обермиллера (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия XVI). М.: Восточная литература; 1963.

9. Иванов В. П. Рукопись «Бхаванакрамы» из индийского собрания ИВР РАН как объект научного исследования. В: *Mitrsampradānam*. СПб.; 2018. С. 419–431.

10. Taniguchi Fujio. Quotations from the First *Bhāvanākrama* of Kamalaśīla found in some Indian Texts. In: *Tibetan Studies. Proceedings of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies*. Narita; 1992. Vol. 1. P. 304–307.

11. Гарри И. Р. *Дзогчен и чань в буддийской традиции Тибета*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН; 2003.

12. Obermiller E. *History of Buddhism (Chos-hbyung) by Bu-ston. The Jewelry of Scripture. Translated from Tibetan by Dr. Obermiller*. Heidelberg; 1932. Part 2.

13. Adam M. Two Concepts of Meditation and Three Kinds of Wisdom in Kamalaśīla’s *Bhāvanākramas*: a Problem of Translation. *Buddhist Studies Review. Journal of the UK Association for Buddhist Studies*. 2006;23(1):71–92.

14. Андросов В. П. Бодхи – это просветление или пробуждение? *Ориенталистика*. 2019;2(1):21–39. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-1-21-39.

15. Wallis G. *Bhavana. A Guide to Classical Buddhist Meditation*. 2009. Available at: https://web.archive.org/web/20110727231248/http://www.glennwallis.com/files/Bhavana_6-20-09.pdf.

References

1. Lysenko V. G. The Genesis of atomist theory as a problem of language and thought *Voprosy filosofii*. 2014;(6):9–28. (In Russ.)

2. Ivanov V. P. The “atomist theory” in the phonetical constructions of the Indan tantra. *Voprosy filosofii*. 2014;(6):132–141. (In Russ.)

3. Salomon R. New Evidence for a Gāndhārī Origin of the Arapacana Syllabary. *Journal of the American Oriental Society*. 1990;110(2):255–273.

4. Mironov N. D. *A Catalogue of Indian Manuscripts*. Petrograd; 1914. Iss. 1. (In Russ.)

5. Obermiller E. A Sanskrit Ms. from Tibet – Kamalaśīla’s *Bhāvanākrama*. *The Journal of the Greater India Society*. 1935;2(1):1–11.

6. Tucci G. *Minor Buddhist Texts*. Part II. *First Bhāvanākrama of Kamalaśīla. Sanskrit and Tibetan Texts with Introduction and English Summary*. Rome: Istituto italiano per il medio ed estremo oriente; 1958.

7. Tucci G. *Minor Buddhist Texts*. Part III. *Third Bhāvanākrama*. Istituto italiano per il medio ed estremo oriente. Rome: Istituto italiano per il medio ed estremo oriente; 1971.

8. Kamalashila. *Bhavanakarma (A treatise on Contemplation)*. Facsimile. Introd. by E.E. Obermiller (“Monumenta litteraturae Orientis populorum”. Textus. Series Minor. XVI). Moscow: Vostochnaya literatura; 1963. (In Russ.)

9. Ivanov V. P. The manuscript “Bhāvanākrama” from the Indian collection of the IOM RAS as an object of scholarly research. In: *Mitrsampradānam*. St Petersburg; 2018, pp. 419–431. (In Russ.)

10. Taniguchi Fujio. Quotations from the First Bhāvanākrama of Kamalaśīla found in some Indian Texts. *Tibetan Studies. Proceedings of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies*. Narita; 1992. Vol. 1, pp. 304–307.

11. Garri I. R. Dzogchen Chan in the Tibetan Buddhist tradition. Ulan-Ude: The Buryat Research Centre SO of the Russian Academy; 2003. (In Russ.)

12. Obermiller E. *History of Buddhism (Chos-hbyung) by Bu-ston. The Jewelry of Scripture. Translated from Tibetan by Dr. Obermiller*. Heidelberg; 1932. Part 2.

13. Adam M. Two Concepts of Meditation and Three Kinds of Wisdom in Kamalaśīla’s Bhāvanākramas: a Problem of Translation. *Buddhist Studies Review. Journal of the UK Association for Buddhist Studies*. 2006;23(1):71–92.

14. Androsov V. P. What is the Russian for “Bodhi” an “enlightenment” or an “awakening”? *Orientalistica*. 2019;2(1):21–39. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-1-21-39.

15. Wallis G. *Bhavana. A Guide to Classical Buddhist Meditation*. 2009. Available at: https://web.archive.org/web/20110727231248/http://www.glennwallis.com/files/Bhavana_6-20-09.pdf.

Информация об авторе

Иванов Владимир Павлович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Information about the author

Vladimir P. Ivanov, Ph. D. (Philol.), Senior Research Fellow, Department of Central and South Asia, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29 декабря 2019 г.
Одобрена рецензентами: 21 января 2020 г.
Принята к публикации: 21 января 2020 г.

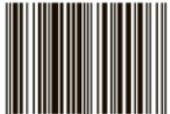
Article info

Received: December 29, 2019
Reviewed: January 21, 2020
Accepted: January 21, 2020

ОРИЕНТАЛИСТИКА

Т.3, №1
2020

ISSN 2618-7043

9 772618 704007 >

